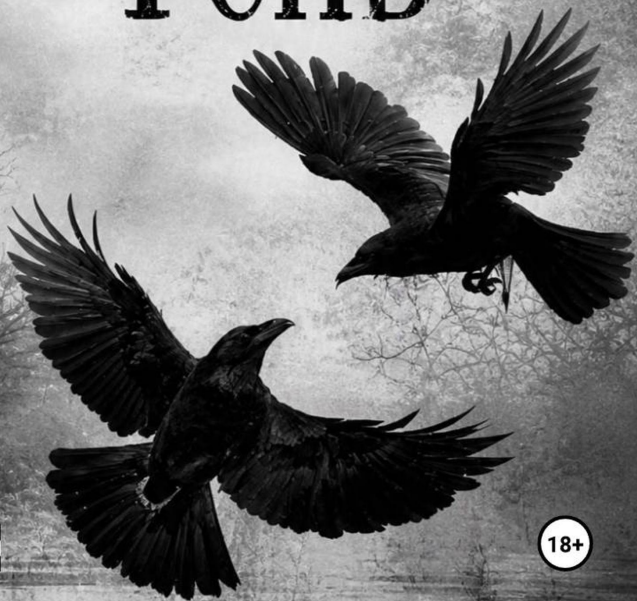

Моя желанная Тень

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Росс

Моя желанная Тень

<https://litres.ru/74246613>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если тот, кого ты ищешь, уже рядом с тобой?

Детектив Вейн Корвус привык работать один. Его метод — холод и расчет. Когда в его отдел приходит новый профилировщик, он ждет лишь очередного кабинетного теоретика, который позже просто уволится.

Но Агнес Рид не похожа на других. В её янтарных глазах — та же пустота, что он носит в себе. Она видит его насквозь. И он начинает понимать ее, ведь та слишком похожа на него.

Город замер в ледяной хватке зимы. Серийный убийца, которого прозвали «Судья», оставляет за собой тела с идеальными, почти хирургическими ранами. Вейн идёт по следу, но каждый новый шаг притягивает его к Агнес всё сильнее.

Он хочет понять ее, разгадать тайны. Но правда, которую он отчаянно ищет, может оказаться страшнее любого убийцы.

«Моя желанная Тень» — это темный психологический триллер о любви, которая граничит с одержимостью, но любовь эта стоит жизни.

P.S. Данная книга не выложена полностью.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Моя желанная Тень

Пролог

Холод пронизывал до костей. Я крался за ней, чувствуя, как снег предательски хрустит под ногами. Каждый её шаг отзывался в ушах эхом, предвещая нечто неминуемое. Пальцы сжимались в кулаки, дыхание сбивалось – не от усталости, от предвкушения. Зверь внутри принюхивался, скользя следом за её силуэтом, как за самым желанным. И самое странное – меня это не отталкивало. Наоборот – манило, словно приманка. Я взывал к зверю, что дремал в самых глубинах моей души – к тому, кого я так отчаянно пытался усмирить.

Передо мной возник силуэт. Невинное создание, словно мираж в ледяной пустыне. Она казалась нереальной, сотканной из призрачных теней. Лица не видно, оно словно окутано пеленой. Но я знал: я желал её, как изголодавшийся зверь. Желал безумно. Отчаянно. До боли в костях. До сумасшедшего зуда под кожей. Это моя добыча.

На погребальном саване снега она казалась кровавым цветком – алой розой. Я потянулся рукой, желая прикоснуться к ней. С каждым дюймом, силуэт становился отчетливее: изящные линии плеч, изгиб талии, едва различимые

под тонкой тканью одежды, такой же белой, как и снег под ногами. Но лицо. Лицо по-прежнему ускользало, расплываясь в неясной дымке. Будто его намеренно скрывали от моего взора, оберегая от чего-то ужасного, что я мог увидеть в его глубине.

С каждым моим шагом ноги увязали в снегу. Я не сдавался, шел вперед. Подойдя к ней, я вглядывался в ее прелестное личико. Оно было все равно скрыто от моих глаз, будто мой разум сам не хотел видеть ее. Я медленно приподнял свои руки, холод сковывал их. Мои пальцы аккуратно коснулись ее лица, словно оно было из хрупкого фарфора.

Я не видел ее глаз, губ, щек, бровей... Что-то мне подсказывало, что все в ней прекрасно. Мой взгляд опустился к ее телу, и я застыл. На животе, чуть ниже ребер, зияла глубокая рана.

— Нет... — вырвалось из моей груди.

Голос, привыкший звучать властно, теперь сорвался на надломленный шепот. Он дрожал, словно осенний лист на ветке от сильных порывов ветра. Неужели мне... страшно за нее?

Темно-красная кровь пульсирующими толчками вытекала наружу, скапливаясь в углублении раны, а затем тонкими струйками стекала по бледной коже, оставляя за собой липкие темные дорожки. Она сочилась непрерывно, образуя алое пятно на снегу.

Я перевел взгляд на свои руки. Они были в крови. Пальцы,

словно чужие, судорожно сжимали нож. Он был удивительно красив: изящная рукоять из черного дерева, лезвие отличало холодным серебристым блеском. Но красота эта была порочной: металл был осквернен, омыт кровью ее.

Мир вокруг начал плыть. Тени удлинялись, поглощая свет. Все меркло перед глазами кроме... Кроме алых разводов на моих пальцах и холодного блеска в дрожащей руке.

Глава 1

Зверь

Мои глаза открываются, вокруг царила звенящая, давящая тишина, а тело невольно передернуло от озноба.

— Снова этот сон... Я, может быть, медленно, но верно схожу с ума? — мой голос прозвучал до боли хрипло от чего я сразу сомкнул рот.

Утро уже обещало явно что-то нехорошее. Солнце, которое должно было согревать мир своим светом, оказалось перекрыто серыми, грязными тучами и непрекращающимся снегопадом. Оно даже не старалось пробиться сквозь них. Будто небеса оплакивали этот проклятый край, обречённый на вечную зиму. Я перевернулся на другой бок, дабы не видеть столь печальные этюды, да и попросту не видеть этот серый мир. Лучше уж мрак, чем беспросветная темнота. Тяжело вздохнув, я начал прокручивать сон у себя в голове. За многие годы он ничуть не изменился и каждый раз обрывался на одном и том же месте. Это безумно бесило, выводило из себя, но даже так я ничего с этим не мог поделать, хотя я и не делал. Я просто плыл по течению, смирился с участью за-

гнанного зверя, обречённого вечно скитаться в поисках хоть какой-то цели.

Единственным спасением была рутина. Четкость утренних действий, выверенных до секунды, создавала иллюзию контроля. Контроля над телом, над пространством, над тем зверем, что шевелился под кожей. Пока я следовал ритуалу, он оставался в клетке. Но даже так, в какой-то извращённой степени, этот сон будоражил меня в самых плохих смыслах. Да, у меня были и есть свои фантазии, порой мрачные, порой чудовищные. Но у каждого свои тараканы в голове, так ведь? У каждого свой личный ад, в котором он коротает вечность. И в моём аду была эта девушка, этот безумный голод, который я не мог утолить.

Этот зверь, которого я так усердно запираю в самых тёмных уголках своего сознания, просыпался каждое утро вместе со мной. Я, оперативник, человек закона, по долгу службы сталкивающийся с самыми отвратительными проявлениями человеческой натуры, знал, что мои собственные демоны не менее чудовищны.

Утро начиналось, как и любой хорошо спланированный допрос. Но зима на этот раз делала его тяжелее. Серое небо свисало низко и близко, как будто хотело провалиться прямо на крышу снежная пелена приглушала звуки, делая город похожим на заброшенный театр. Я не любил зиму лишь потому что плохо переносил её однообразную безликую яркость. Она делала людей бесцветными. Все находилось, словно в

черно-белом фильме

После длинного глубокого вдоха я поднялся с кровати, наступив на пол холодный пол дал о себе знать. Ноги тут же ощутили леденящую поверхность от чего по коже пробежали мурашки.

Спустя какое-то время ноги сами вывели меня на кухню. Рука сама потянулась к определенной полке.

Квартира была тесна и холодна, хотя батарея работала, и окно было заклеено старым скотчем, чтобы заткнуть зазоры от куда источалась эта вечная зима.

Я поставил чайник. Пока вода закипала, я поправил выбившуюся прядь: волосы, тёмные как воронье крыло, были коротко подстрижены по бокам и чуть длиннее сверху, зачесаны назад стрижка строгого порядка, рассчитанная выдерживать штормы разума.

Наполнив кружку кипятком, вода тут же окрасилась в насыщенный темный цвет. Чай крепкий, с едва уловимой терпкостью бергамота. Я держал кружку обеими руками и смотрел, как пар слабо струится над ней, как будто и он тоже устал бороться с холодом. Каждый глоток жёг то место, где у людей обычно живёт спокойствие. Горечь оставалась, как напоминание о том, что простых утешений не существует. Кружка быстро опустела.

Досадно

Пронеслась фраза у меня в голове от которой я невольно хмыкнул.

Время на одежду заняло немного больше времени: под костюм плотный слой термобелья, потом рубашка, жилет и костюм тёмно-серый, почти чёрный. Пальто я накидывал поверх, застёгивал до воротника, завязывал тонкий шерстяной шарф – зимой важны не только маскировка ума, но и тепло. Внешне всё должно было выглядеть как всегда: безупречно, расчётливо. Внутри же зима жгла, как соль на рану.

Я вышел на улицу. Снег хрустел под подошвами, а ветер норовил залезть под воротник и отхватить кусок кожи. Шум города казался приглушённым, слова людей – отстранёнными. Когда я сел в машину мой разум остался один на один со мной. Шум в голове становился громче с каждой мыслью.

Здание Управления, серое и угрюмое, выглядело как продолжение этого неумолимого времени года – суровое, не предлагающее утешения. Я, как и многие коллеги, двигался по привычной траектории, но зима давила, делая каждый шаг чуть тяжелее – и это раздражало. Очень.

Мой кабинет в конце коридора был таким же аскетичным, как всегда: стол с кипой дел, настольная лампа, белый квадрат бумаги, который нужно было заполнить правдой. Я снял с себя пальто и аккуратно повесил его в небольшой шкафчик. Ноги ступали по полу почти бесшумно, лишь издавая немного шаркающий звук.

После включения компьютера тот заурчал, словно доволь-

ный питомец долго ждавший хозяина, пришел список новых дел. Имена, даты, деловые строки: чья-то жизнь сведена к фактам, как к валюте, и ей расплачивались без эмоций. Зима только усиливала это чувство – всё казалось постановочным, но в то же время неотвратимым. Жизнь. Мой взгляд остановился на рапорте, выделенном красным цветом. Необычное убийство. Несколько жертв. Описание тянуло за собой холодный ком в горле:

«Ножевые раны, предположительно оружием являлись куски разбитого стекла или холодное оружие.»

Мой взгляд скользнул ниже, к следующей строке:

«Присутствие необычного запаха сжогого с кровью.»

Воздух застрял в легких. Комната накрылась, и на секунду я снова почувствовал под ногами не линолеум, а хрустящий снег, а в ноздрях – сладковато-металлический призрачный запах из сна. Внутри все сжалось в ледяной ком.

Я провел ладонью по лицу, с силой растирая кожу, пытаюсь вернуть ощущение реальности. Нет. Не сейчас. Это просто слова в рапорте. Факты. А с фактами я умею работать.

Я вдохнул, заставил мышцы спины расслабиться. Мои серые глаза, обычно бесстрастные и острые, вглядывались в пустоту кабинета. Я, Вейн Корвус, тридцати пяти лет, с выточенными, почти суровыми чертами лица и жесткой линией губ, который видел тысячи смертей и научился не чувствовать ничего, сейчас ощущал, как что-то внутри меня беспокойно шевелится. Короткие темные волосы, аккуратно заче-

санные назад, казалось, встали дыбом, хотя ни один волосок не сдвинулся. Я был готов. Готов нырнуть в этот мрак, потому что знал, что мне нужна цель. Или окончательно потеряю себя.

Едва я успел осмыслить это жуткое совпадение, как на экране всплыло новое уведомление. Входящее досье. Тема: «Новое назначение – Отдел Криминального Профилирования». Они прислали мне кого-то. Снова.

Отдел, где я был одновременно и волком-одиночкой, и негласным лидером, не терпел посторонних. Тем более – психологов. Я ненавидел, когда кто-то копался в голове, особенно когда это касалось моих дел. Но приказ есть приказ.

Я открыл файл. Название: Агнес Рид

«Психолог-криминалист. Возраст: 29 лет. Образование: Высшее, степень магистра по криминальной психологии (с отличием). Опыт работы: 3 года в Национальном институте криминалистики, специализация – анализ серийных преступлений и построение психологических портретов. Хороший показатель успешности в разработке профилей.»

Сухие, деловые строки. Всё как положено. Но меня зацепило не это. Я бегло пробежался по цифрам. Образование, опыт, показатели. Идеальный кандидат, чтобы копаться в чужих головах. Как будто под копирку создавали под требования отдела. Ни возраст, ни опыт, ни даже её успехи. Мой взгляд упал на фотографию, приложенную к досье. Она смотрела прямо, без вызова, но и без тени робости. Лицо

тонкие, почти острые черты, высокие скулы, губы, не тронутые косметикой, но с едва заметным, почти хищным изгибом. Волосы черные, прямые, длинные, свободно падающие на плечи, обрамляя лицо, как тёмная рамка, подчеркивающая её бледность. Но глаза... Глаза Агнес Рид были самым поразительным. Они были цвета янтаря, почти золотистые, но не тёплые, а пронзительные, словно принадлежали хищнику, который просто очень хорошо маскируется. В её взгляде не было ни страха, ни надежды, только холодная, наблюдательность, словно она видела меня насквозь.

— Отлично — пробормотал я, стараясь придать голосу максимально нейтральный тон.

Я еще раз пробежался глазами по строкам досье. Образование — да, но где именно? Годы указаны, но названия университетов? Практика три года в Национальном институте криминалистики, но без конкретных проектов. Публикации? Научные работы? Ничего. Словно кто-то намеренно вычистил все, что могло бы дать мне повод для оценки.

Я набрал номер кадрового отдела.

— Это Корвус. По поводу новой сотрудницы, Рид Агнес. У меня вопросы по ее досье.

Голос на том конце провода был вежливым, но непроницаемым.

— Детектив Корвус, все данные предоставлены в полном объеме согласно регламенту.

— Объеме? — я не скрывал раздражения. — Там нет ни

одного названия диссертации, ни одной публикации, ни одного рекомендательного письма. Это досье, а не листок из блокнота.

— Все запросы по кадровым вопросам направляйте начальнику отдела, — ответили мне и повесили трубку.

Я уставился на телефон, сжимая его в руке. Прекрасно. Просто прекрасно. Мне подсунули аналитика с «чистым листом» в биографии, и никто не собирался объяснять почему.

Я откинулся на спинку кресла и снова посмотрел на фотографию Агнес Рид. Она смотрела прямо в объектив, и в ее взгляде не было ни вызова, ни робости. Только спокойная, почти хищная уверенность человека, который привык, что его оценивают. И который знает, что оценка будет в его пользу.

Тебе это не понравится, Вейн

Я не любил работать в паре, тем более с психологами, копающимися в грязном белье. Они всегда видели слишком много, задавали слишком много вопросов, пытались найти мотивы там, где их просто не существовало, лишь хаос. Она всего лишь психолог, Вейн. Очередная попытка улучшить работу отдела. Не более. Я усилием воли отмахнулся от этого раздражающего голоса, который слишком уж настаивал на обратном.

— Посмотрим, что ты за птица, мисс Рид, — пробормотал я, закрывая досье.

Взяв рабочий телефон я набрал несколько цифр, которые

мог запомнить даже ребенок. «Корвус. Мне нужна информация по делу о... новых убийствах. И отправьте сюда Рид. Сейчас.». Произнес я коротко, без эмоций. Мой обычный рабочий тон.

Не прошло и десяти минут, как в дверь кабинета постучали. Два коротких, отрывистых удара.

— Войдите — сказал я, не отрывая взгляда от монитора, на котором снова маячил злополучный рапорт.

Дверь открылась, и на пороге появилась она. Агнес Рид. В живую её присутствие было ещё более ощутимым. Она была выше, чем мне показалось, её фигура, скрытая под строгим серым костюмом, была тонкой, как казалось почти хрупкой, но держалась она с удивительной грацией и уверенностью. Чёрные волосы, идеально прямые, спадали по плечам, контрастируя с бледной кожей. Те же янтарные глаза, которые так поразили меня на фотографии, теперь внимательно изучали меня, фиксируя каждую деталь, каждый нервный тик, если бы таковые имелись.

— Здравствуйте Детектив Корвус, — её голос был низким, спокойным, без малейшей дрожи, как гладкий камень точеный водой.

— Вы просили меня прийти?

— Да, мисс Рид — кивнул я. Мой голос звучал отстранённо, как всегда, когда я не хотел подпускать кого-либо слишком близко. — Присаживайтесь.

Я указал на стул напротив моего стола, не слишком госте-

приимно, но и не грубо. Девушка села, движения её были плавными и экономичными. Сложила руки на коленях, её поза выражала спокойную готовность, не напряжение.

Она слишком спокойна

Мысль вспыхнула в голове, незваная и навязчивая. Либо она со странностями, либо она просто профессионал, Вейн. Хватит искать подвох там, где его видно. Но внутренний голос не унимался:

Но ты же его чувствуешь, не так ли?

Я повернул монитор так, чтобы она тоже могла видеть рапорт.

— Вы знакомы с этим? — спросил я, указывая на текст. Она склонила голову, внимательно прочитала. Её янтарные глаза скользнули по строкам, затем поднялись ко мне.

— Общее представление имею. Серийные убийства. Характерные раны, неясное орудие. И... странный запах, да? — она произнесла последние слова почти вопросительно, но без удивления.

— Да. Этот запах — я почувствовал, как что-то внутри меня сжимается.

— Что вы думаете о нём, детектив? — её взгляд был прямым, проникающим.

— Я думаю, это часть дела. Моя задача найти убийцу. Ваша составить его портрет, основываясь на тех крохах, что у нас есть. И этот запах может быть ключевым, — я отвечал сухо, избегая любой личной окраски.

— Как вы хотите, чтобы я приступила к работе? — Агнес продолжала держать дистанцию, её профессионализм был безупречен.

— Начнёте с изучения всех материалов дела. Отчёты, показания свидетелей, если таковые имеются, записи с камер наблюдения. Мне нужен психологический портрет. Не просто набор характеристик, а понимание мотивов, паттернов поведения. Что движет этим человеком? Почему именно эти жертвы? И что за чертовщина с этим запахом?

я повысил голос на последнем слове, позволяя раздражению проскользнуть в интонации. Агнес лишь слегка кивнула. Ясно. Я изучу материалы. Детектив Корвус, вы сами чувствовали этот запах?

Вопрос был неожиданным, слишком личным для нашего первого знакомства. Я напрягся, мои глаза сузились.

Нет. Моя работа анализировать факты, мисс Рид. Не заниматься домыслами или самоанализом — резко ответил я.

Агнес не отвела взгляд, лишь легкая, едва заметная тень промелькнула в её глазах.

Разумеется. Просто пытаюсь собрать как можно больше вводных. Любое личное наблюдение, пусть и субъективное, может оказаться важным — её тон оставался абсолютно ровным.

Упрямая и прямолинейная. Я почувствовал странную смесь раздражения от чего мои жевалки слегка напряглись.

Работайте с данными. — отрезал я, снова уставившись в

монитор, чтобы дать понять, что разговор окончен. Агнес встала.

— Поняла. С вашего позволения.

— Дверь там — я кивнул в сторону выхода, не глядя на неё.

Когда дверь закрылась, я снова поднял глаза на экран. Репорт. Запах. И теперь к этому добавилась Агнес Рид. Её спокойствие, её янтарные глаза, её имя, словно отголосок пророчества. Что-то в ней *неправильно*.

Глава 2

Тень

Когда дверь закрылась, я прислонилась к ней спиной, ненадолго задержав дыхание. Воздух здесь был пропитан чем-то... особенным. Смесь металла, отчаяния и чего-то тёмного, давно забытого, но отчаянно ищущего выход. Вейн Корвус. Его имя словно эхом отдавалось в пустом коридоре.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как стены коридора слегка сжимаются. Его взгляд, когда он смотрел на меня через стол, был не просто изучающим. Он был сканирующим. Как рентген, который пытается разглядеть то, что скрыто под кожей.

Досье — подумала я. — Он читал мое досье.

Конечно, нашел. Я сама их там оставляла. Каждый пробел был продуман, каждая неточность. Но достаточно ли этого для человека с его опытом? С его паранойей? С его зверем, который чувствует ложь за версту?

Я вошла в свой кабинет и закрыла дверь, прислонившись к ней спиной. Сердце билось ровно, но где-то в груди зарождался холодок. Не страх, а какое-то предвкушение.

Я подошла к столу и провела пальцами по гладкой поверх-

ности. Мой новый кабинет. Моя новая территория. Новый противник. Или... союзник? Я еще не решила.

У него острое, угловатое лицо, такое, которое требует внимания, как будто его создали для того, чтобы заманивать людей в тщательно продуманную ловушку. Его взгляд был холодным, отстранённым, словно он старался не по своей воле внушить страх и запугать меня, словно добычу. Но что-то в нём было не так? Что-то за этой маской безразличия, за этой ледяной отчуждённостью. Будто за толстым стеклом скрывался целый океан, полный боли и тьмы.

Я села за стол и открыла ноутбук. Материалы дела посыпались на экран: фотографии изувеченных тел, отчёты, протоколы допросов. Жестоко, безжалостно, бессмысленно. Отсутствие каких-либо улик, связывающих жертв между собой. И... запах. Тот самый запах, который так встревожил Корвуса.

Вейн Корвус. Его имя звучало как приговор. В его взгляде было что-то... родное? Та же усталость от мира, тот же холод и меня это почему-то пугало. Но даже, если так. Работа есть работа. Я углубилась в изучение деталей, стараясь отбросить все личные впечатления и сконцентрироваться на фактах.

В тот момент на экране всплыло системное уведомление: новое письмо. Отправитель Корвус. Тема:

«Прослушивание». Вложены были файлы несколько коротких записей допросов. Никаких пояснений, ни даты, ни примечаний – только одно сообщение под файлами:

«Прослушай, допросы свидетелей одного из закрытого дела.» – В. Корвус»

Простая проверка. Или игра. Мне было всё равно на работе важен результат, не мотив.

Я вставила наушники и включила первую запись. Голос следователя ровный, направляющий, голос подозреваемого то уклончивый, то выплескивающийся в бесконечные оправдания. Я слушала медленно, как метроном отмечая движения речи: паузы, запинки, местоимения, переходы от общего к конкретике. В блокноте появились сухие пометки. Внимание к паралингвистике и к тому, что человек не говорит это не менее важно чем то, что он озвучивает.

Вторая запись – женщина, много деталей, эмоциональные всплески в одних и тех же местах. Человек пытается заполнить пустоту, отвлечь от ключевого мотива, проговаривая тривиальные факты. Третья – молчание длиннее нормы, едва слышное дыхание, попытки стереть себя из рассказа, выставить себя жертвой – классическая стратегия сокрытия вины через деперсонализацию. Где-то в каждом фрагменте пряталась тонкая логика уклонения. Задача допрашивающего – аккуратно подвести к месту, где логика рушится, не дав человеку «включить» новую защиту.

Я составляла краткие профили прямо в почтовом окне: что спросить, какую эмоцию спровоцировать, где дать паузу, где – наоборот, резко оборвать поток слов. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль – зачем именно эти записи? Но

ответ не требовался: если это проверка, она пройдена будет не словами, а конкретикой моего анализа.

Набросав окончательные рекомендации, я аккуратно сформулировала ответное письмо сухо, без излишних деталей:

«Вейн, прослушала присланные записи, как итог допрос зашел в тупик. Привожу краткие профили и рекомендуемые линии вопросов. В первом случае стоит перевести акцент на фактологические детали и проверить реакцию на противоречие. Во втором – сдержанная конфронтация с повторяющимися фразами. В третьем – использование временных рамок для уменьшения возможностей деперсонализации. Готова подготовить развёрнутую схему.» — Агнес Рид.

Отправила... Экран вернул рабочую пустоту, наушники молчали. В комнате оставалось только моё дыхание и свет монитора — всё, что нужно было для работы. Я вернулась к делам, к фотографиям, к отчетам, к запаху, который Корвус ощущал — но не сказала ни слова о том, что чувствовала сама. Холодность – это инструмент. И я умела им пользоваться. Я долго молчала, как будто ушла внутрь себя глаза упрямо фиксировались на одном и том же файле с фотографиями. Лицо в кадре, ракурс, фон

— всё это было знакомо и одновременно не давало покоя. Что-то глодало изнутри, но слов у меня для этого не было; было только возвращающееся ощущение недосказанно-

сти, как будто кадр просил, чтобы на него посмотрели внимательнее, медленнее.

Я перебирала изображения, увеличивая детали, отмечая мелочи: складка ткани у пояса, едва заметный грязный отпечаток на раме окна, направление падающего света. Ничего громкого – всё на уровне маленьких не состыковок, которые следователь должен суметь связать воедино. Но это была не паника и не любопытство: это работа, чистая и холодная. Каждый раз, когда разум находил очередную мелочь, я записывала её в блокнот короткой фразой – лаконично, так, чтобы не притягивать лишних эмоций.

Затем раздался звук уведомления – лёгкий, едва слышимый, но достаточный, чтобы вырвать меня из погружения. На экране появилось новое письмо: отправитель – В. Корвус, тема – «Фотографии». В сообщении всего одна строка: «Твоя версия по кадру 3.» И ни подписи, ни пояснений. Тон его был проверочный, не требующий спешки, но провоцирующий к выполнению. Я вздрогнула, но это было скорее физическое движение: пальцы инстинктивно сжались на клавиатуре, чтобы потом распрямиться. Дыхание ровно, лицо безмятежно. Внутри – момент исполнения, что он хотел увидеть, отправляя это мне? Новую проверку на профиль, или просто способ убедиться, что я действительно умею замечать то, что скрыто под поверхностью? Открыв кадр 3 снова, я не торопилась. Вместо быстрых заключений я разбирала картинку по слоям: кто внутри кадра, что за ним, какие пред-

меты случайно попали в объектив. Мой блокнот наполнился короткими пометами: «ракурс не совпадает с показаниями очевидца», «рефлекс в стекле — чужая фигура за кадром?», «следы на подоконнике». Ничего громкого, но цепочка мелочей складывалась в предположение о постановке и это было то, о чем я не могла сказать прямо без дальнейшей проверки.

Я набрала ответ:

«Корвус, по кадру 3: есть несоответствие какие точно не могу указать, рекомендую уточнить показания тех, кто находился в помещении в указанное время, и поставить вопрос о присутствии третьего лица за кадром.»

— Агнес Рид.

Я не отправляла сразу. Ещё минуту держала письмо на экране, смотря на курсор, как будто проверяя себя. Потом нажала «Отправить». Экран мигнул, письмо ушло, и в комнате снова воцарилась та же прозрачная тишина.

Я вернулась к фотографиям и к блокноту, но уже иначе как к инструментам, которые нужно довести до острия.

Внутреннее волнение утихло; на смену ему пришла привычная дисциплина. Все догадки были лишь рабочими гипотезами, и никто, включая меня, не должен был знать, где проходит граница между предположением и истиной.

Вейн прислал записи допросов по старому делу о коррупции. Испытание для новичка. Или проверка на профпригодность. Я прошла её, не заметив подвоха.

Зимняя ночь обрушилась на город холодной, непроницаемой стеной, пробирая до костей еще до того, как я ступила на обледеневший тротуар. Улицы были пусты, лишь редкий автомобиль проносился мимо призраком, унося с собой единственное движение. Морозный воздух обжигал легкие, а его ледяное дыхание казалось тяжелым, почти осязаемым - таким же, как та невидимая плита, что давила на плечи в офисе.

Пустые, словно вычищенные мысли, въелись в голову, стали её новым пейзажем. Не было ни триумфа от отправленного письма, ни разочарования от замерших дел. Только тяжелая, вязкая пустота, которую нечем было заполнить. Каждый шаг по потрескавшемуся асфальту отдавался глухо, эхом в этой беззвучной ночи, и каждый шаг был не выбором, а лишь безмолвным следованием предписанному пути, от которого нельзя было отклониться.

Старые дома, вставшие стеной по обе стороны улицы, казались высокими, холодными спинами, отвернувшимися от меня. Редкие и тусклые фонари едва разгоняли мрак, создавая лишь островки иллюзорной безопасности, за пределами которых царила холодная тьма. В этой тьме не было ни тени, ни уголка, где можно было бы спрятаться или раствориться, только пронизывающий до костей холод, обещающий стать единственным постоянным спутником.

Квартира встретила меня таким же холодом и мертвой тишиной. Ванна с горячей водой лишь временно отгоняла этот

внутренний мороз, не касаясь его сути. Я скользнула в постель, пытаясь отбросить остатки мыслей о фотографии и Корвусе... Сон пришёл не сразу, зацепившись за края сознания, не глубокий и рваный, как старое, изношенное полотно.

Где-то глубоко в ночи, когда стрелка часов ползла к отметке четыре утра, мой телефон едва слышно завибрировал на прикроватной тумбочке. Я лишь инстинктивно приоткрыла глаза, на мгновение уловив бледное свечение экрана, но сон оказался сильнее. Не придав этому значения, я снова погрузилась в мир грез.

Утро встретило меня привычной серостью за окном. Включив кофеварку, я подошла к столу, чтобы взять телефон. Привычка не более. Среди оповещений о новостях, я заметила одно сообщение от неизвестного номера. Время отправки 03:58. Я открыла его. Текст был краток и без лишних церемоний.

«Это Вейн Корвус. В районе 8 утра выдвигайтесь по адресу: ***. Убийство.»

Я замерла, рука с телефоном повисла в воздухе. Вейн Корвус. Сам. Напрямую. И так срочно. Взгляд метнулся на часы на стене: без четверти семь. Мне оставалось чуть больше часа, чтобы привести себя в порядок и добраться до назначенного места. Мысли, только что сфокусированные на горячем кофе и планах на день, резко перестроились, нанизываясь на одно-единственное слово: убийство.

Глава 3

Зверь

Я не стал ждать утра. В кадровом отделе меня уже ждали точнее, ждали моего звонка. Но вместо этого я пришел лично.

— Мне нужны оригиналы документов на Агнес Рид, — сказал я дежурной, женщине с лицом, которое видело слишком много недовольных детективов.

— Детектив Корвус, все данные...

— Я знаю, что все данные предоставлены. Теперь я хочу их увидеть. Лично. Без сокращений и рефератов.

Женщина вздохнула, что-то набрала в компьютере и покачала головой.

— Досье в электронном виде. Оригиналы... — она запнулась, — оригиналы хранятся в центральном архиве. Доступ ограничен.

— Кем ограничен?

— Я не уполномочена...

— Кем?! — мой голос прозвучал громче, чем я планировал.

Тишина в коридоре стала тяжелой. Женщина посмотрела на меня с каким-то странным выражением — не страхом, а скорее предостережением.

— Начальником управления. Лично. Есть еще вопросы? Я сжал челюсть и вышел, не попрощавшись.

В коридоре я наткнулся на Мартинова — лейтенанта, с которым пересекался по старому делу о коррупции.

Низенький, лысеющий, с вечно уставшими глазами и неправильным прикусом, который делал его речь слегка шепелявой. Но за этой невзрачной внешностью скрывался один из лучших оперативников, кого я знал. Он стоял у окна, зажав в зубах незажженную сигарету, и смотрел на серое утро за стеклом. Услышав шаги, повернулся.

— Корвус? — его голос звучал чуть шепеляво из-за неправильного прикуса, но в нем всегда было то, что я ценил в людях — спокойная, выветренная годами службы прямота. — Ты чего такой? Как будто похмелье, хотя время не то.

— Мартинов, — я подошел ближе, понижая голос. — Сколько ты в управлении?

— Двадцать три года, — он пожал плечами, убирая сигарету в карман. — Почти с того дня, как тебя еще в школе на физру гоняли.

— Ты работал с центральным архивом?

— Бывало, — Мартинов посмотрел на меня внимательно. В его глазах — вечно уставших, с красными прожилками — мелькнуло что-то вроде любопытства. — А что за де-

ло?

— Можешь пробить одну фамилию? Неофициально.

Он молчал несколько секунд достаточно долго, чтобы я понял: он взвешивает риски. Потом кивнул.

— Имя?

— Агнес Рид. Новый профилировщик из Национального института.

Мартинов присвистнул, и этот свист в тишине коридора прозвучал как-то нехорошо. Он повернулся к окну, снова достал сигарету, покрутил в пальцах.

— Слышал, к нам кого-то прислали, — сказал он, не оборачиваясь. — Из самой академии, говорят. Из тех, кто на серийников зуб точит.

— Ты что-то знаешь о ней?

— Я? — он усмехнулся, но усмешка вышла кривая, больше похожая на гримасу боли. — Нет. Не о ней. Об институте, где она училась. И о человеке, который там управлял.

Он повернулся ко мне, и в его взгляде я увидел то, чего никогда не замечал раньше. Не враждебность. Скорее предостережение. Как у старого пса, который однажды уже обжегся и теперь боится, что щенок наступит на те же грабли.

— Знаешь дело «Геометра»? — спросил он.

— Старое? Которое закрыли лет двадцать назад?

— Двадцать два, — поправил Мартинов. — Я тогда был молодым опером. Только-только из училища. Меня приставили к группе, которая его ловила. — Он помолчал, и в ти-

шине стало слышно, как за окном шуршат шины проезжающих машин. — Тот ублюдок резал людей. Аккуратно, словно любовью. Каждый разрез, как под линейечку. Патологоанат сказал, что таких точных ран в жизни не видел. Как будто хирург работал.

— И?

— И нашли его. Посадили. Сгнил в тюрьме. Но пока ловили, приглашали консультантов. Психологов, криминалистов умников, которые должны были объяснить, как он мыслит. — Мартинов наконец закурил, глубоко затянулся, выпустил дым в открытую форточку от куда веяло морозом. — Один из них был профессор Локвуд. Тот еще тип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.